

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-129-136

ВАРИАЦИИ МОТИВОВ ВОЗМЕЗДИЯ В РАССКАЗАХ А. И. КУПРИНА 90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Тихомирова А. О.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: allaostromirova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.12.2024

Принята к публикации 27.12.2024

Аннотация

Цель. Исследовать разновидности мотивов возмездия в рассказах А. И. Куприна 90-х гг. XIX в.

Процедура и методы. В статье анализируется разнообразие мотивов возмездия в рассказах А. И. Куприна 90-х гг. XIX в. Эти мотивы выполняют важную содержательно-смысловую функцию. Внимание уделяется тем произведениям, где проблема наказания за грехи решается опосредованно: прямая авторская оценка происходящего отсутствует. Методология базируется на описательном и сравнительно-сопоставительном методах исследования.

Результаты. В трёх исследованных рассказах наблюдается разная художественная форма реализации мотивов возмездия. В рассказе «На реке» мотив кары за содеянное преподнесён в контексте пейзажной живописи: природа противопоставит человеческой греховности; в рассказе «Негласная ревизия» мотив кары трактуется как самонаказание; рассказ «Путаница» доносит мотив возмездия как судьбоносный удар. В статье делается вывод, что мотивы возмездия входят в систему аксиологических ориентиров в прозе Куприна.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённый анализ рассказов расширяет представление об особенностях содержания и формы ранних рассказов А. И. Куприна, акцентирует систему ценностных ориентиров писателя.

Ключевые слова: возмездие, наказание, кара, повествование, ситуация, сцена, эпизод

Для цитирования:

Тихомирова А. О. Вариации мотивов возмездия в рассказах А. И. Куприна 90-х годов XIX века // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 129–136. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-129-136>

Original research article

VARIATIONS OF THE MOTIVES OF RETRIBUTION IN THE STORIES OF A. I. KUPRIN OF THE 1890S

A. Tikhomirova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: allaostromirova@mail.ru

Received by the editorial office 16.12.2024

Accepted for publication 27.12.2024

Abstract

Aim. To explore the varieties of retribution motives in the stories of A. I. Kuprin of the 90s of the XIX century.

Methodology. The article analyzes the diversity of retribution motives in the stories of A. I. Kuprin of the 90s of the XIX century. These motives perform an important substantive and semantic function.

Attention is paid to those works where the problem of punishment for sins is solved indirectly: there is no direct author's assessment of what is happening. The methodology is based on descriptive and comparative research methods.

Results. In the three stories studied, there is a different artistic form of realization of the motives of retribution. In the story "On the River", the motive of punishment for what is done is presented in the context of landscape painting: nature opposes human sinfulness, in the story "Unspoken Revision" the motive of punishment is interpreted as self-punishment, the story "Confusion" conveys the motive of retribution as a fateful blow. The article concludes that the motives of retaliation are part of the system of axiological guidelines in Kuprin's prose.

Research implications. The analysis of the stories expands the understanding of the features of the content and form of the early stories of A. I. Kuprin, emphasizes the system of value orientations of the writer.

Keywords: retribution, punishment, penance, narrative, situation, scene, episode

For citation:

Tikhomirova A. O. (2025). Variations of the Motives of Retribution in the Stories of A. I. Kuprin of the 1890s. In: *Russian Studies in Philology*, 2, pp. 129–136. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-129-136>

Введение

А. И. Куприн как последователь нравственных, философских, этических традиций творчества великих Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова в своей прозе часто обращался к вопросам бытийного порядка и решал их в русле углублённого психологизма. Об этой особенности купринского творчества писали многие литературоведы¹. Вера в конечное торжество добра, выбор между чувством и долгом, недопустимость греха, ответственность за содеянное – эти и многие созвучные им мотивы заявлены в зрелых, принёсших славу писателю произведениях, таких как «Поединок», «Яма», «Юнкера», «Жанета» и др. Однако и в ранней прозе, формируя мировоззренческую позицию и постепенно совершенствуясь, Куприн затрагивает ключевые ценностные категории. Одна из них – утверждение непреложной расплаты за совершённый проступок, как случайный, так и осознанный. Время 90-х гг. XIX в. пока говорит само за себя: в рассказах нет глубоких философских раздумий, мыслёмких обобщений и отступлений от повествовательной линии.

Находясь в начале творческого пути, писатель как будто наблюдает над первопричиной того или иного события и в вариативных художественных формах преподносит его последствия. В ранней прозе можно увидеть лишь отдельные «сценарные» наброски заявленной темы, глубоко развитой в дальнейшем творчестве.

Божья благодать и Божья кара в рассказе «На реке»

В своём творчестве Куприн часто прибегал к воссозданию детского мироощущения: «...в детскую литературу он попал не случайно, этот род сочинительства доставлял ему удовольствие» [2, с. 24]. Отдельные произведения, написанные, на первый взгляд, в русле милых, трогательных ребяческих воспоминаний (от первого лица), в действительности стилизованы под них, несут определённый заряд «привидческой» энергии.

Мастерски выстроенная композиция рассказа помогает прояснить суть авторского замысла. Внешне незамысловатый сюжет – ночной поход десятилетнего мальчика со старым поваром Емельяном Ивановичем к реке с дальнейшей ловлей раков (втайне от строгой маменьки) – включает в себя и прелесть пейзажного полотна, и мощную эмоциональную со-

¹ См: [1]; Мескин В. А. История русской литературы «Серебряного века»: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 385 с.; Михайлов О. Н. Куприн. М.: Молодая гвардия, 1981. 270 с.

ставляющую, и притчеобразное начало, и, самое главное, нравственно-философский аспект изображаемой действительности.

Повествование буквально пропитано ароматами, шорохами, зыбкими видениями «густой» южной ночи в восприятии ребёнка. Сладковатые запахи резеды, цветущей липы, мёда, речной свежести усиливают притягательное ощущение запертости происходящего, будоражат неокрепшее сознание. Главное – некий ореол загадочности, превосходящий глубину легенды, рассказанной Емельяном Ивановичем. Непроглядная ночная темень сменяется вдруг «призраками», пляшущими вокруг мальчика в тот момент, когда старик зажигает факел. Их внезапное исчезновение обусловлено выходом на поле и спуском к реке Булавины, где таинственность вновь возвращается в виде «дрожащего мутно-коричневого пятна»¹, появляющегося вокруг источника огня. Авторское задействование шумовых эффектов (стрёкот кузнечиков, хлюпанье воды), резкие обонятельные ощущения, контраст тьмы и света – всё призвано создать напряжённую эмоциональную декорацию. Сцена азартной ловли раков завершается описанием чувства «чего-то стройного, прекрасного и нежного»², вдруг нахлынувшего в душу ребёнка, стойкого осознания могущества природного естества. На фоне этого великолепия и звучит легенда о Булавине как ответ на вопрос мальчика о происхождении названия реки.

Находясь в 90-е гг. XIX в. по делам службы на Донбассе, Куприн слышал это предание от местных жителей. Несмотря на то, что название Булавины имеет и весьма прозаическое объяснение, связанное с местными географическими особенностями, писатель заинтересовался именно легендарным его освещением, более того, привнёс в него динамику, интригу и сказочность. Притчеобразная составляющая в интерпретации Куприна базируется на

нравоучении, высказанном, однако, опосредованно.

Рассказ о злодеяниях Булавины подчёркивает, с одной стороны, жестокость и садистские наклонности разбойника, с другой – его неуловимость, намекающую на некую мистическую силу. Неотвратимость наказания предопределена: вседозволенность как норма жизни приводит Булавина к краху, ведь даже в любовной связи он прибегает к насилию. Тем не менее, казнь, учинённая властями (четвертование) не является конечным пунктом его нечистого пути.

Кульминационной вершиной воспринимается рассказ о Высшем отмщении за содеянное. «Ангелы божьи» заключили душегуба в подземелье, где «цепь железная обвивает его тело, а длинная-предлинная желтобрюхая змея день и ночь гложет его сердце».³ Последний аккорд в сказочном повествовании – слухи о выходе Булавины раз год из пещеры в «воробыиную ночь» – далеко не случаен и звучит не столько устрашающе, сколько раздумчиво. Он доносит авторскую мысль – безусловность вечной неприкаянности и вечного одиночества нераскаявшегося разбойника.

Постоянно меняющаяся гамма эмоций, испытываемых мальчиком (новизна ощущений, страсть охоты, ужас от рассказанного поваром), воссоздаётся в русле величия и чистоты мироздания – тихой ночи, прохлады реки, запахов «живой жизни». Центром внимания избрана наивная детская душа, открытая Вселенной, ещё не знающая грязи и тех ударов, которые преподнесёт жизнь. Сила и органичность природы призваны оттенить мерзость человеческого греха. Думается, Божья благодать и Божья кара в замысле Куприна равнозначны по силе своего воздействия на читателя. Очевидно, «детский» рассказ несёт в себе мощную подтекстовую основу.

¹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 502.

² Там же. С. 504.

³ Там же. С. 506.

Самонаказание в рассказе «Негласная ревизия»

В этом произведении намечен другой вариант темы возмездия. Рассказ начинается в условно-комическом контексте и обращает на себя внимание уже первой фразой: «Иван Петрович был ещё сравнительно молод, но уже в достаточной степени строг и справедлив».¹ Слегка улавливаемая в этих словах авторская ирония усиливается описанием безупречного внешнего вида молодого чиновника, его готовности к исполнению всякого рода поручений, надежды на его блистательное будущее «всего департамента». Гиперболизируется комическое начало диалогом Ивана Петровича Белкина и «начальства» в кабинете последнего. Отсутствие имени сего «начальства», намеренное употребление среднего рода («с расстановкой надело пенсне, приподняло кверху брови, сделало нижней губой значительную мину»²) создаёт сатирический фон изображаемых событий. Поручение провести «негласную» проверку действий некоего служащего Персюкова в далёкой провинции по факту получения анонимного письма о его злоупотреблениях переводит авторскую интонацию из гиперболы в гротеск. Абсурдность ситуации состоит в несовместимости официальной ревизии финансовых документов, изначально базирующейся на честном правосудии, и «лабирирования», задающего ход дальнейшему повествованию. На первый взгляд, перед читателем – типично сатирический рассказ, написанный в лучших традициях Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тем не менее постепенно, по ходу сюжетного действия, комические ноты исчезают, уступая место совсем иным настроениям.

Куприн как будто выступает в роли искусного режиссёра, от сцены к сцене управляющего эмоциональными метаморфозами: от высокого – к низкому, от забавного – к драматическому, от игривого – к душераздирающему. Самоанализ Ивана

Петровича (уверенность в собственной неподкупности и незаменимости) оказывается уже несостоятельным, т. к. подкреплён как будто невзначай брошенным замечанием о всего лишь начале трудовой деятельности и, соответственно, неопытности. Появление Персюкова способствует убыстрению темпа повествования. Занимателен факт, что Куприн изменил фамилию персонажа в сравнении с первоначальной рукописью: ранее нейтральная, здесь она обретает оттенок сладкой заманчивости. Несоответствие во внешности героя (нескладная фигура и «умные», «пытливые» глаза) усугубляет растерянность Ивана Петровича перед его натиском. Сам не понимая как, он оказывается в доме предприимчивого дельца и, что ещё более важно, отдаётся «мысленно судьбе».³

Слабость, неустойчивость понятий, усталость, наконец, незадачливого ревизора могли бы быть финализированы какой-либо сценой очередной авантюры в целях усыпления его бдительности. Однако Куприн именно в этой части рассказа подчёркнуто драматизирует событийный ряд, вводя в него образ женщины – символическое воплощение магнетизма и, несомненно, искушения. У Куприна, особенно в раннем творчестве, много рассказов о женских чарах, становящихся непреодолимым препятствием для героя, порой ломающих его судьбу («Странный случай», «Святая любовь», «Нарцисс»), но здесь они оттеняют иной вектор авторских раздумий. По справедливому замечанию Я. О. Гудзовой, Белкин «не считал нужным обзаводиться принципами и обязывающим чувством долга, поэтому супругам Персюковым без труда удалось разжечь низкие страсти героя» [3, с. 72].

Эпизод диалога Ивана Петровича с супругой незримо присутствующего Персюкова психологически выверен, добавляет ему нарастающей взволнованности; подспудно он призван донести глубинную подоплёку происходящего. Писатель использует «теневую» игру, постоянно

¹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 156.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 159.

смещая акценты с окружающей интимной обстановки на позы собеседников, «выхватывая» из темноты детали интерьера и высвечивая лишь части лиц. В подобном ракурсе фокусируются и отдельные реплики персонажей, что позволяет автору сосредоточиться на невероятной иллюзии в сознании молодого чиновника. Находясь под воздействием обильного угощения, возлияний, слыша рядом в темноте грудной, чувственный женский голос, он прибегает к выпрненным выражениям, поддаётся провокационному призыву к «наслаждению», исходящему от женщины, бросается вперёд и... мгновенно отрезвляется её холодностью, даже «крикливостью». Как верно отметила Л. А. Смирнова, Куприн «всегда проводил глубокую грань между естественной полнотой человеческих переживаний и разными формами их опошления» [4, с. 268]. Безусловно, здесь чувства уступают место животным инстинктам.

Осмысление «околпачивания», неотвратимо пришедшее на смену сладкому самообману, укрупняется ещё и признанием собственной ничтожности. В бессвязных репликах о «негласной ревизии», анонимных доносах перед постыдным побегом из дома он называет себя «пижоном», спасовавшим перед хитрым мошенником. Показательно, что на рубеже XIX–XX вв. это слово, пришедшее из французского языка, обозначало не только натуру ветреного и легкомысленного франта, но и «человека, дающего в обман, неопытного».¹

В каком же облики приходит неизбежная расплата к «несчастному» Ивану Петровичу? Думается, служебное порицание, последующее за открытием тайной информации, закономерное увольнение и возможное крушение всей дальнейшей карьеры не столь болезненно отразятся на будущности героя. Призыв высшего должностного лица к тайным манипуляциям и играм, дабы избежать огласки в «деликатной» чиновничьей деятельности, и заведомая незрелость молодого человека

тоже не являются источником его жгучего стыда и унижения. Основной же причиной произошедшего является именно осмысленное «пижонство», восхищение своей неподкупностью, одновременно – тяготение к «лавированию» между правдой и ложью. Стремление выставить свою сущность напоказ (и в раздумьях о собственной значимости, и в диалоге с госпожой Персукковой) обнажает её фальшь. В итоге, сам того не понимая, он проходит сквозь «негласную ревизию» – саморазоблачение, нанося себе глубочайшую душевную травму.

Возмездие как удар судьбы в рассказе «Путаница»

Многие произведения Куприна, особенно ранние, на первый взгляд, не содержат философской подоплёки и фокусируются на владычестве случая в человеческой жизни. Таких рассказов много, и, в первую очередь, они вызывают у читателя чувство потрясения изображёнными фактами, проявлением превратности судьбы.

Рассказ «Путаница» сразу настраивает на юмористическую волну в приключенческом контексте своим названием и первой же фразой: «Мне кажется, никто так оригинально не встречал рождества, как один из моих пациентов в тысяча восемьсот девяносто шестом году».² Реплика, произнесённая рассказчиком, рисует в воображении некий забавный случай, произошедший в один из самых добрых семейных праздников, и даже его профессия – врач-психиатр – не вызывает поначалу ощущения опасности. Сюжет выстраивается сообразно развёртыванию курьёзной интриги, постепенно теряющей свою занимательность и перерастающей в драматическое, а после и трагическое повествование. Элементы эпистолярного жанра, включённые в текст, привносят в него достоверность и объективность. Лечащий врач, психиатр Бутынский, предлагает своему знакомому прочесть некое прошение от

¹ Пижон // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. СПб.: В. И. Губинский, 1910. С. 338.

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 189.

лица душевнобольного Пчеловодова, пациента клиники. Изложенная в нём история воссоздаётся без купюр, с поражающей воображение чёткостью.

Молодой человек после громкой ссоры с директором завода и последующего увольнения возвращается в родной город, чтобы встретить Рождество с родными. Оказавшись в переполненном вагоне, он под воздействием выпитого вина поддаётся на уговоры случайных попутчиков бросить жребий, чтобы одному из них сыграть роль сумасшедшего и переместиться в свободное купе с «сопровождающими». Оказавшись в роли отвергнутого Фортуной, а значит, психически больного, герой, наконец, счастливо засыпает в покое, чтобы проснуться уже без своих «друзей», зато в обществе настоящего надзирателя.

Исход парадоксальной ситуации предсказуем: ему никто не верит, его действительно считают душевнобольным и помещают в психиатрическую больницу. Озорная проделка оборачивается не просто несчастным случаем, но судьбоносным ударом.

В рассказе есть акцентные моменты, позволяющие прояснить причины фатальной неизбежности происходящего. Во-первых, недостойную роль играют случайные попутчики героя. Пчеловодов просит Бутынского разыскать одного из них, купца, вспоминая его место жительства и род занятий для подтверждения подлинности рассказа. Доктор не оставляет просьбу без внимания, однако результат оказывается неутешительным: по словам купца, выйдя из поезда, «минутные» компаньоны решили дальше повеселиться и выслали к месту назначения героя телеграмму с просьбой присмотреть за больным. «Идиотская шутка», опрометчивый поступок попутчиков главного персонажа превращается пусть в случайную, но жестокость. Не менее безжалостным оказывается и бывший начальник героя. Упомянутая в начале рассказа ссора между ними вследствие несправедливости, учинённой директором, опять же не проходит даром. В ходе разбирательства, связанного с истинным (в чём, собственно, никто не сомневает-

ся) или мнимым помешательством пациента в игру вступает этот, казалось бы, второстепенный персонаж, назвавший Пчеловодова в отместку «буйно помешанным». И наконец, главный врач психиатрической больницы, самым первым осматривавший героя, изначально уверен в его безумии, спровоцировав бурную реакцию будущего пациента своими «иезуитскими приёмами».¹ Показательно, что фраза, сказанная им («Иногда жизнь бывает неправдоподобнее всякого вымысла»²), как будто реабилитирует Пчеловодова, но произнесена с издевательской иронией, окончательно «добивающей» несчастного. Известный современный исследователь творчества А. И. Куприна С. Ташлыков обоснованно подчёркивает, что «мотив безумия представлен в первую очередь в ранней прозе» писателя и пришёл он к нему непосредственно из литературного наследия Ф. М. Достоевского [5, с. 30].

Художественное пространство рассказа зримо дополняет тупиковые обстоятельства. В купринской прозе нередко встречается описание какого-либо происшествия в поезде – непредвиденной встречи, внезапного конфликта или, наоборот, счастливого жизненного сюрприза. Функция поезда в «Путанице» вспомогательная: помимо знакомства «от нечего делать» троих молодых людей он выполняет роль символа неотвратимого движения к роковому финалу. Само по себе замкнутое пространство ещё больше сужается: сначала переполненный людьми вагон, затем коридор, где и решается судьба главного героя и, наконец, купе, внешне комфортное, оборачивающееся клеткой для психически больного. Композиция «Путаницы» помогает прояснить всю безвыходность случившегося. Начинаясь, казалось бы, с невинной шутки история стремительно превращается в «запутанный» клубок молниеносно сменяющих друг друга событий и приводит к ошеломляющему эффекту в финале:

¹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 197.

² Там же. С. 196.

читатель узнаёт, что абсолютно здоровый человек, угодивший в условия психиатрической больницы, через некоторое время действительно «впал в идиотизм».¹ Тем не менее и медицинский непрофессионализм, и жестокое равнодушие окружающих к страдающему герою, и невероятное стечение обстоятельств имеют под собой веское основание. Полушутливые, полусерьёзные разговоры попутчиков, утомление, желание выспаться вполне объяснимы и понятны. Началом же конца послужило решение Пчеловодова принять участие в жеребьёвке и в дальнейшем обмане, вылившемся в страшную реальность. «Изо всех троих я был самый старший, и мне надлежало бы быть самым благоразумным»² – после этой фразы следует роковое «но»... Поворотное решение преобразуется в бесповоротную ситуацию. Недаром жеребьёвка названа героем «идиотской», ведь именно она в конечном счёте приведёт его к настоящему «идиотизму». По Куприну, личность не имеет права терять благоразумие ни при каких условиях: судьба подчас не прощает даже минутной слабости. «Куприн не раз повторяет римских стойков, указывавших на то, что человека разумного, познавшего закон своей судьбы, она ведёт через житейское море, тогда как неразумного просто влачит за собой».³ Наказание не заставило себя ждать и проявилось почти сразу, усугубляясь и принимая необратимые последствия. Несомненно, автор соперничает своему персонажу, одновременно иллюстрируя читателю трагизм моментального разрушения человеческой жизни вследствие одной-единственной ошибки.

Заключение

В трёх различных по содержанию и форме рассказах А. И. Куприна, принадлежащих к раннему периоду творчества, были

рассмотрены отличительные особенности мотивов кары за проявление человеческих пороков.

В рассказе «На реке» вступают во взаимосвязь чистое, незамутнённое сознание ребёнка и вопиющие факты убийства, насилия и агрессии. Искренность, непредвзятость душевных движений помогает автору донести важность воспринимаемой ребёнком истины – недопустимости злодеяния и кровопролития. Своёобразным «зеркалом» невинной детской души выступает в рассказе целомудренная природа во всём своём величии и торжестве. Именно она является здесь противовесом человеческой скверны и своёобразным воплощением её наказания.

Сатирическое изображение чиновничества с его умением маневрировать, обходить острые углы («Негласная ревизия») при всей своей очевидности не является основным предметом авторского осмеяния. Казалось бы, настойчивое стремление к правде, справедливости, честным правилам законности, исходящее от молодого служащего в начале его карьеры, должно противостоять манипуляциям начальства, однако он попадает в ловушку излишней самонадеянности и веры в собственную нестигаемость. Ключевой мотив рассказа – человек слаб – разрастается и углубляется по ходу действия. Осмысление героем в финале собственного ничтожества выполняет функцию самонаказания – прохождения через «негласную ревизию».

Роковая ошибка, фатальная случайность, сцепление непостижимых фактов в рассказе «Путаница» имеют, тем не менее, определённые истоки их возникновения. По меткому замечанию С. В. Крыловой, «читатель привык, что каждая жертва приносит какой-либо плод» [6, с. 166]. На первый взгляд, Пчеловодов – непредвиденная жертва сложившихся обстоятельств, и она должна быть хоть каким-то образом оправдана. Тем не менее внезапное превращение здорового человека в психически больного, как ни казалось бы это абсурдным, обосновывается автором. Легкомыслие, человеческая непорядочность, медицин-

¹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 198.

² Там же. С. 192.

³ Судьба и случай // Купринская энциклопедия / авт. проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза, 2016. С. 603.

ские просчёты – лишь внешние факторы произошедшей трагедии. Малейшее отклонение от линии здравомыслия даёт крен кораблю судьбы и последующему его крушению.

Таким образом, категория возмездия входит в систему аксиологических ориентиров А. И. Куприна; в раннем и зрелом творчестве она выражается в различных модификациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. Минск: Министерство высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963. 533 с.
2. Сорокина С. П. В поисках героя детской литературы (рассказ А. И. Куприна «Белый пудель» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1. С. 24–31. DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.03
3. Гудзова Я. О. Мир запахов в творчестве И. С. Шмелёва и А. И. Куприна // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья: проблемы преемственности (V Смирновские чтения), Москва, 10 февраля 2022 г. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 66–75.
4. Смирнова Л. А. Прозаики Серебряного века. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 360 с.
5. Ташлыков С. А. Рецепция Ф. М. Достоевского в творчестве А. И. Куприна // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 4. С. 28–38. DOI 10.18101/2686-7095-2021-4-28-38
6. Крылова С. В. Архетип героя в повести Олега Павлова «Казённая сказка» // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2011. Т. 36. № 1. С. 161–171.

REFERENCES

1. Kuleshov, F. I. (1963). *The creative path of A. I. Kuprin*. Minsk: Ministry of Higher, Secondary Specialized and Professional Education of the BSSR Publ. (in Russ.).
2. Sorokina, S. P. (2021). In Search of Children's Literature Hero ("The White Poodle" by A. Kuprin). In: *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1, 24–31. DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.03 (in Russ.).
3. Gudzova, Ya. O. (2022). The World of Smells in the Works of I. S. Shmelev and A. I. Kuprin. In: *Verbal Art of the Silver Age and the Russian Diaspora: Problems of Continuity (V Smirnov Readings)*, Moscow, February 10, 2022. Moscow: Moscow Region State University Publ., pp. 66–75 (in Russ.).
4. Smirnova, L. A. (2014). *Prose Writers of the Silver Age*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).
5. Tashlykov, S. A. (2021). Reception of Dostoevsky's Creativity in the Works by Aleksandr Kuprin. In: *Bulletin of Buryat State University. Philology*, 4, 28–38. DOI 10.18101/2686-7095-2021-4-28-38 (in Russ.).
6. Krylova, S. V. (2011). The Archetype of the Hero in Oleg Pavlov's Story "The Official Tale." In: *Studia Rossica Posnaniensia*, 36 (1), 161–171 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихомирова Алла Олеговна (Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla O. Tikhomirova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: allaostromirova@mail.ru